

Борис Конофальский

Сталин против рептилоидов

18+

Борис Конофальский
Сталин против рептилоидов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конофальский Б.

Сталин против рептилоидов / Б. Конофальский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Чрезмерная свобода нравов молодую, красивую женщину да добра не доведёт. Из за этой свободы женщина угодила в водоворот острейшей политической борьбы, где призом стала её жизнь. Опытные работники спецслужб выделили ей охрану: двух молодых сотрудников. Эти события разворачиваются на фоне бескомпромиссной, фракционной борьбы. Это время свержения с пьедесталов старых революционеров и восход нового лидера партии. Человека, который изменит ход истории.

© Конофальский Б., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Борис Конофальский

Сталин против рептилоидов

1924 год

Все совпадения случайны. Ну, наверное...

Глава 1

Ракель Самуиловна Незабудка была подстать фамилии. Уж если видел её какой мужчина поэтического склада, так долго не забывал.

Немудрено – роскошные чёрные волосы, огромные серые глаза и точёный лик надменного ангела западали в душу многих. Даже тех, что предпочитают блондинок, это уж поверьте. Ну а всё остальное... О боги! Её преступно длинные ноги, тонкие в щиколотке и шикарные в бедре носили её так, что казалось – летит она на крылах, парит над землёй, а не загребает пыль, как прочие смертные.

Грудь её не испортили тридцать четыре года непростой жизни, два из которых Ракель Самуиловна провела в каторге в городе Ишиме Томской губернии, и четыре с половиной года в ссылке в прекрасном, почти курортном и богатом природой городе Чите, где на лучших улицах вместо мостовых в грязи лежали кривые доски.

Так же грудь её не испортил – как ни старался! – муж, товарищ Конрад Куниц, (урождённый Емельян Ладоскин из села Лапти Тамбовской губернии), ответственный работник читинской ГубЗаготКонторы.

Не смогли нанести ей серьёзного вреда и двое сыновей двенадцати и семи лет. В общем, несмотря ни на что грудь товарища Незабудки определённо была её выдающейся частью. Причём выдающейся не столько величиной, сколько завершёностью формы.

Выдающейся, впрочем, была и её спина. Точней, то, что со спиной неразрывно связано. Некрепкие в половом плане товарищи, глядя ей в след, впадали в состояние, сходное с боксёром после качественного апперкота. Так и провожали её остекленевшим взглядом и безвольно разинутым ртом.

О силе своего воздействия на мужчин Ракель Самуиловна узнала ещё в том возрасте, который принято считать нежным. Это знание и повлияло на всю её будущую, весьма яркую жизнь.

Самуил Незабудка имел конюшню на шесть мерин, полдюжины добрых подвод, знакомства среди местных контрабандистов и дружбу с местным полицмейстером. Так же он имел тещу Розу Марковну, которая ещё с незапамятных времён царя-Освободителя имела своё место на привозе.

Так чтоб не быть счастьем, Самуил Незабудка возомнил о себе, и вместо сосватать единственную дочь аж за второго сына раввина, который к тому же был без ума от девочки, он её отправил в гимназию. Слыханное ли дело, девочку из семьи, главу которой в местной синагоге уважают – в гимназию! Что там Самуил в своей голове думал, люди понять не могли. Но той гимназией навлёк он себе на многие годы позор. Ведь не знал Самуил и не гадал, даже и подумать не мог, что в гимназии преподавать математику будет некий Похлёбкин – мерзавец, публичный стоик-рахметовец и скрытый латентный марксист.

И был этот двадцатидвухлетний негодяй с гимназистками холоден, вежлив и строг так, что они были поголовно влюблены в него. Не стала исключением и прекрасная Ракель.

И так как девочка не смогла – в свои шестнадцать то лет! – унять свой пламенеющий темперамент, стала она делать математику знаки. Такие знаки, что стоик и рахметовец Похлёбкин начинал пылать ушами, мять платок и нервно дёргаться, когда видел Ракель Самуиловну по коридору. Но мятых платков и пылающих ушей юной красавице было мало. Даже поцелуев украдкой ей было мало, такая вот страсть бушевала в ней.

В общем, через недолго математик отдался на милость красавицы и помог юной Ракель покрыть седины отца несмываемым позором, сбегав с ней в неизвестном направлении. И где-то там познакомив её со своими друзьями, уже не латентными мерзавцами-марксистами.

Дурака Самуила все жалели. Ходили мимо, выражали ему скорбь в лицо, смеялись над ним за глаза и ставили его дурачность друг другу в пример. Но, слава Богу, у Самуила были ещё дети. Позор его стал потихоньку забываться, и вроде как совсем утих. Но через пару лет, жандармы сняли всё ещё юную Ракель Самуиловну с поезда «Кишинёв – Киев». А при ней были тысяча двести рублей ассигнациями, дамский «Браунинг», прокламации в изобилии, туалеты парижские и полпуда динамита.

И узнали об этом все. Боже мой, какой был позор! Все опять говорили Самуилу скорбь, а за глаза друг другу удивлялись: «Откуда!? Вот откуда у такой девочки такие неприличные деньги!? Таки чем таким интересным она их заработала?» А Самуила хватил первый удар, от которого он слёг на две недели.

О да, Ракель Самуиловна вступила на скользкий путь революции в самом юном возрасте. И встретила эту самую революцию в ссылке в Чите.

Там бы она и прожила всю свою послереволюционную жизнь с мужем – ответственным работником, да с двумя сыновьями. И просидела бы в хорошем месте депутата ГубСовета. Но – нет! Не смогла её кипучая натура просто жить, как живут женщины. Не находила она себя в Чите – ни в творческом плане, ни в женском.

Не выдержала товарищ Незабудка вокруг себя бесконечной тайги с суровыми таёжниками-партизанами. Поцеловала она детей на прощание, и мужа, ответственного заготовителя кедровых орехов и меха – тоже. Села в поезд, крикнула из тамбура на прощание: «Я в Москву, я скоро вернусь». И уехала, в глубине души не очень-то веря в своё обещание.

Москва – шумела. Тут уже не помнили Колчака и интервенцию, даже Кронштадт уже не вспоминали. Москва жила, бурлила, и по ночам сверкала фонарями – плодами электрификации. Москва бушевала НЭП и политической борьбой.

Все москвичи читали последние речи товарища Троцкого, отзывы на них товарища Зиновьева, и приговаривали со знанием дела: «А что, задал он ему перца. И поделом. Он полемист хоть куда. С ним не забалуешь. Не Ленин конечно, но суть видит правильно».

Но волновали москвичей цены на говяжью печень, перебои с электричеством и завезли ли керосин в Промторг.

А в московских ресторанах кроме сала и самогона уже были коньяк, вырезка, свиные отбивные, осетры и играли неплохие диксиленды. А по улицам, в сете фонарей залихватски подрезая матюкающихся извозчиков, сновали шустрые авто.

Особенно в столице товарищу Незабудке понравилось, что дамы стали носить вызывающе и даже развратно короткие панталоны типа «ля Руж», а фильдеперсовые чулки теперь были не только у Лили Брик.

Приличная публика ездил на бега, а вечером в театры. И можно было носить туфли, не рискуя соскользнуть с кривой доски по колено в лужу.

Это всё отвечало первой из двух причин, по которым Ракель Самуиловна приехала в Москву – неуёмному темпераменту и жажде жизни, в том числе и половой, которая в Чите ну ни как не налаживалась. Второй же было, что в Москве всю уже ходили красивые, белые билеты номиналом «Один червонец», а так же замечательные жёлтые монетки с мужиком-сеятелем.

До читинской глуши такие дензнаки доходили едва-едва, а панталоны «ля Руж» и вовсе не дошли бы никогда. В общем, там, в Чите, Ракель Самуиловна не могла реализовать свои потребности. Не было среди таёжных, бородатых партизан-большевиков романтических красавцев, как из кино. И денег среди большевиков тоже не было. Да и зачем в Чите деньги? Купить «ля Руж» смешить медведей?

А тут на неё обрушилось всё сразу много. Москва не могла пропустить такую красавицу – её видели и в театрах, на новых постановках и ресторанах. И о ней весьма вскоре загово-

рили в определённых кругах. Мужчины (и нэпманы, и ответственные работники) говорили о ней с придыханием. Женщины – с неизжитой ещё новой властью мещанской завистью. С подчёркнутой брезгливостью дамы передавали из уст в уста, что Ракель Самуиловна напрочь пренебрегает некоторыми предметами дамского туалета, а именно – нижним бельём... да, даже таким передовым, как панталоны «ля Руж». Ну и то, что она берёт с мужчин деньги за свидания, шло между главным, но такое у большинства светских московских львиц уже не вызывало осуждения. А мужчины в узком кругу говорили, что товарищ Незабудка бреет не только ноги. Многие отказывались верить, но компетентные товарищи заверяли, что товарищ Незабудка выбрита вся. Популярной стала цитата одного весьма компетентного товарища: «как жена монгольского воина – ни волоска, кроме как на голове». Многие, подогретые такими разговорами, хотели лично убедиться, что товарищ Незабудка похожа на жену былинных свирепых воинов. Но Ракель Самуиловна осознавала востребованность свою в романтическом плане, и просила за возможность изучить монгольский стиль умопомрачительные три червонца.

Что остужало пыл многих и заставляло говорить о ней, что она: «И не так уж она... чтобы уж очень»...

В общем, половая значимость члена ГубСовета Читы товарища Незабудки в городе Москве была очень высока. То, что в один прекрасный июльский вечер, в хорошем нэпманском ресторане «У Анри», что на малой Якиманке, в котором столы сервировали хрусталём, она сидела одна, было удивительным нонсенсом.

Народа в ресторане почти не было, а те, что были, больше пили и ели, чем интересовались женщинами. Ракель Самуиловна, сидела нога на ногу, белея роскошным бедром между не менее роскошными чулком и платьем. Она через длинный мундштук курила папироску «Зефиры Кавказа» и мелкими глотками пила неплохую подделку под «Мартель». Она смотрела по сторонам и отказывалась верить, что сегодня её сети останутся пустыми. Но ночь была близко, услужливые официанты рассчитывали последних пьяных посетителей, а из всех кавалеров тут был только хозяин ресторана, нэпман Вилько, который следил за сбором выручки, и ничем другим не интересовался. Даже роскошными коленями в чулках и белым бедром.

И вот, когда сонный оркестр в последний раз заиграл модную песенку, и когда разочарованная уже Ракель Самуиловна тушила окурок в пепельнице, и готова уже была требовать счёт, в дверях, услужливо распахнутых швейцаром в ливрее, появился ОН.

Это был настоящий мужчина – в светлом заграничном костюме, парусиновых туфлях, и почти белой шляпе с чёрной лентой.

Был он молод, высок, широк грудью, крепок ногами. Стоял с видом Наполеона перед сражением: руки в боки. И сдвинув шляпу на затылок, осматривал местность. И был, видимо, удовлетворён увиденным, так как белозубо улыбался. Оркестр взбодрился при виде нового посетителя, официанты корчили кислые мины в надежде, что он ничего заказывать не станет и им дозволено будет идти домой, а Ракель Самуиловна с интересом к вновь пришедшему тянула из портсигара новую папироску.

За спиной пришедшего появился невысокий человек в хромовых сапогах в гармошку. Был он не стар, имел чёрный волос, азиатский лик и острые глаза. И выглядывал ими из-за плеча мужчины в шляпе. А мужчина в шляпе остановил свой взор на Ракель Самуиловне, и с военной решительностью направился к ней.

От такой решительности у товарища Незабудки прокатилось от низа живота до горла. Она даже чуть порозовела, что для такой опытной женщины, выдавшей виды, было удивительно.

Но красавица быстро подавила женское волнение и встретила мужчину во всеоружии. Тот подошёл к ней и коротко кивнув, представился:

– Пилькус, уполномоченный по закупкам табака Мосгорторга.

«Интересная должность, многообещающая». – Подумала красавица и томно ответила:

– Рабель Самуиловна.

Она всё ещё капельку волновалась, но уже была готова к дискуссии. И на всякий случай сменила ноги, положив левую на правую.

Этот её ход не остался незамеченным, уполномоченный по закупкам посмотрел на её ноги с явным интересом и сказал:

– А не хотите ли, товарищ Рабель Самуиловна, предоставить мне возможность познакомиться с вами поближе, не в столь шумной обстановке?

Ответом на это предложение был только усталый и чуть удивлённый взгляд прекрасных серых глаз.

– Поедьте ко мне, вы не пожалеете, у меня есть водка и кокаин, – продолжил штурм товарищ уполномоченный, доставая и ставя на стол перед красавицей не маленькую склянку из жёлтого стекла с белым порошком.

Рабель Самуиловна даже не взглянула на склянку. Она не сводила глаз с мужчины, и меланхолично говорила ему:

– Товарищ Пилькус, пылите потише, у меня от вас в ноздрях свербит.

– Свербит, значит? – и не собирался отступать самец. – А что же вы хотите, роскошная вы женщина, за решение наболевшего у меня полового вопроса?

– А есть ли у вас, товарищ, денежные знаки имеющие хождение на территории Советского Союза или знаки каких-нибудь империалистических стран? – намекнула Рабель Самуиловна.

– Ах, вот как, – понял кавалер, – значит, такое понятие как половое влечение вы рассматриваете только в рамках замшелой и отринутой временем теории меркантилизма? Это не марксистский метод, товарищ Рабель Самуиловна!

– Клара Цеткин сказала, что первым достижением любой революции должно быть освобождение женщин от половых принуждений. Это, товарищ Пилькус, во-первых. А во-вторых, ВЦИК издал декрет о новых экономических отношениях, а СовНарКом и Десятый Съезд партии его одобрили. И в рамках одобренной партией экономической политики Вы, товарищ Пильгус, либо платите мне деньги, либо отчаливаете, как пароход с Одесской пристани. То есть с долгим и громким гудком. – говорила Рабель Самуиловна, стряхивая пепел с папироски, едва ли не на туфли товарища уполномоченного и при этом глядя на него снизу, но с вызовом.

– Обожаю политически грамотных женщин! – воскликнул товарищ Пильгус, улыбаясь. – Это добавляет половой полемике остроту. И кстати, каковы у вас расценки, почём, как говорится, просите за кило?

– Вашего товарища, принимать в расчёт? – Спросила Рабель Самуиловна, разглядывая чернявого спутника уполномоченного по закупке табака.

– Нет-нет, Ибрагимку не считайте. Предпочитаю исключительно дуэты – заверил товарищ Пильгус.

– Что ж, тогда за всю ночь, со всеми вашими фантазиями, спрошу у вас три белых билета. По билету за каждый пуд моего обворожительного и политически грамотного тела и полпуда вы получите бесплатно – подвела расчёт товарищ Незабудка.

– Три червонца? – Переспросил товарищ Пильгус, которого названная цена настроила на серьёзный лад. – А не круто ли берёте, товарищ Рабель Самуиловна? Может, поговорим о скидке?

– Скидку, как члену профсоюза, вам обязательно сделают на Сухаревском рынке, а у меня скидок не бывает. Товар первосортный! – Отрезала товарищ Незабудка. Она видела, знала, что никуда он уже не денется.

– И никаких кредитов, рассрочек, и касс взаимопомощи. Только деньги. И только вперёд.

– Ишь вы какая, – смеялся уполномоченный, – вас бы к нам в комитет по ценообразованию. Уж вы бы дали чертям шороху. А вдруг у человека нет денег? Или не хватает, неужто не пожалеете несчастного?

– Несчастливого, может и пожалею, если сильно выпью, всякое бывало, но сейчас я трезвая, а вы на несчастного без денег похожи, как казак на раввина. Вы уполномоченный по закупке табака Мосгосторга. У нас вся Москва вашим табаком дымит, как гимназист у старой проститутки. Так что не прибедняйтесь, товарищ! Кладите на стол три билета или давайте расхотиться. – Подвела итог переговорам Рабель Самуиловна.

– Да-а, вас точно нужно нам в штат. Не желаете? Могу составить протекцию.

– Три белых билета, товарищ!

– Старорежимные принимаете? – Товарищ Пильтус полез в карман пиджака, и из платка достал, и положил на стол три маленькие монеты с изображением профиля кровавого царя.

Рабель Самуиловна одним ловким движением смахнула три царских червонца себе в сумочку и встала:

– Зовите извозчика.

– Лошади – это анахронизм. У меня авто, – заявил уполномоченный не без гордости, и крикнул: – Ибрагимка, подавай!

Чернявый Ибрагимка кинулся к выходу, а товарищ Незабудка, беря уполномоченного под руку и заглядывая ему в лицо, решила уточнить нюансы и спросила:

– Может мне нужно подготовиться, к каким-нибудь милым, пикантным, мужским чудачествам из тех, о которых стыдно просить жену?

– Нет-нет, – заверил её товарищ Пильтус, – мне вас удивить будет решительно нечем. Я вполне заурядный в половых вопросах человек.

На улице затарахтел автомобиль, а потом и призывно погудел гудком.

Пара пошла на выход, и швейцар, открывая им дверь, снимал картуз и прощался.

«А по Сеньке ли шапка»? – Думала красавица, увидев перед входом в ресторан двенадцати цилиндровой «Паккард» с поднятым верхом. – «Откуда у уполномоченного такая машина? Неужто закупка табака для населения дело настолько верное? Хм... А он мне ещё про марксизм разливал».

Ибрагимка услужливо распахнул им двери, и они с уполномоченным уселись на огромный задний диван. Товарищ Пильтус по-хозяйски положил руку на ногу товарища Незабудки намного выше колена, и товарищ Незабудка нежно прильнула к мощному плечу товарища Пильтуса.

– Товарищ Рабель Самуиловна, к сожалению, на квартиру к себе я Вас пригласить не смогу, по объективным причинам. Нам придётся поехать к моему шофёру. Там, конечно, нет удобств, но зато там никто не мешает – сказал уполномоченный по закупкам, ласково улыбаясь красавице и поглаживая её бедро там, где заканчивались чулки.

Революционерке, прошедшей каторгу и партизанские отряды, бояться отсутствия удобств – не престало, и она храбро сказала:

– Едемте!

– Ибрагимка, трогай! – распорядился уполномоченный.

Ибрагим оглянулся на Рабель Самуиловну, оскалился, изображая радушную улыбку... затарахтев мотором, автомобиль полетел по ночной Москве.

Рабель Самуиловна плохо знала город. Она жила тут едва два месяца, и не очень хорошо понимала, куда её везут. Центр, где бурлила жизнь, сверкали окнами рестораны и звенели флейты в оркестрах, быстро закончился. Потянулась другая Москва. Фонарей было мало, даже окон со светом в домах было не много. Фары освещали серые и не чистые дома, мостовые, в которых не хватало камней, мусорные кучи. Временами за автомобилем кидались стаи разбу-

женных собак, с лаем гнавших его до конца своей зоны ответственности. А потом «Паккард» снова оставался один на кривых и ухабистых улицах. Да таких ухабистых, что товарищ Пильтус и товарищ Незабудка иной раз выделявали замысловатые кульбиты на диване и бились головой о полотно крыши. Уполномоченный сказал:

– Ибрагимка, уволю я тебя, ты что ж подлец делаешь! У дамы зубы клацают и туфля слетела от твоей езды! Не гони так, балда, а то пойдёшь у меня снова улицы мести.

Шофёр повернулся и оскалился, пытаясь не то улыбнуться, не то запугать женщину. Но скорость сбавил, автомобиль поехал значительно плавнее.

Вскоре езда закончилась, мотор затих и фары погасли.

– Доехали, вылазьте, – объявил Ибрагим.

– Дверь товарищу Ракель Самуиловне открой, – напомнил ему уполномоченный, но товарищ Незабудка уже сама открыла дверь, и вышла в кромешную темноту.

Было тихо, темно, пахло золой, орали сверчки:

«Что за глушь». – Думала товарищ Незабудка. – «Хотя от Якиманки и не очень далеко. Мы быстро доехали».

И тут, едва товарищ Пильтус вышел из машины, что-то разительное переменялось в нём. Там, в ресторане, он был сама обходительность. Теперь он словно отыгрывался за то своё поведение. Наверное, не давали ему покоя большие деньги, что пришлось платить красавице. Он стал каким-то едким и нахальным, но товарищ Незабудка не стала акцентировать на том внимания. Дело, как говорится, есть дело, а деньги уж она не упустит, и возвращать не будет, пусть он даже матом орёт. А значит, и свою часть сделки она собиралась выполнять, даже если у потребителя её услуг что-то в настроении переменялось. Он, фамильярно лапая её снизу за корму, повёл через убогий коридор с одной тусклой лампочкой, заваленный тазами, дровами, хламом и старым заскорузлым от грязи тряпьем. На устах его появилась ехидная ухмылочка:

– Вы уж извиняйте, товарищ Ракель Самуиловна, но сантехнические изыски тут отсутствуют, – сказал он, вталкивая её в комнату и включая там свет.

– Ничего, – спокойно сказала красавица, – с меня будет довольно кувшина с водой и таза.

– Уж это непременно, Ибрагимка, воду Ракель Самуиловне, а вы раздевайтесь пока, и располагайтесь, – предложил ей уполномоченный и закрыл дверь.

Товарищ Незабудка огляделась и поняла, что за все свидания в Москве, у неё не было апартаментов скромнее.

Замызганные стены в потёках – видимо, пытались отмыть от какой-то грязи. Забитое досками окно. Тусклая, ужасно одинокая лампочка под потолком. Из мебели только старая железная кровать с пружинами и шарами на спинках. На кровати – утопанный до состояния собачей подстилки влажный матрас с грязной тряпкой, натужно изображающей простыню. Больше в комнате ничего не было. То есть, вообще ничего.

– Мда, – сказала Ракель Самуиловна, оглядывая эту старорежимную нищету, – это вам далеко не «Метрополь» во время колчаковского наступления. У меня в землянке было уютнее.

Но дело есть дело. Она сняла платье и повесила его в изголовье кровати. Больше ей снимать было нечего – чулки, шляпку и туфли она решила оставить. Красавица осмотрела ложе любви, тронула его пальчиком и стала очень сожалеть, что ей придётся к этому прикасаться телом. Но деньги были получены. Она вздохнула и достала из сумочки папироску, и ещё кое-что, что могло пригодиться, как ей казалось, в этой ужасной обстановке. Закурила, и стала ждать кавалера.

Она курила и кривила свои волшебные губы, морщила носик. Что за убожество, даже зеркала не было, чтобы она могла убедиться в своей безупречности. А ещё здесь воняло, и она не могла понять – чем? Чем-то то ли химическим, то ли гнилым, резким или может даже тухлым. Красавица стояла, курила и пыталась понять запах.

И тут за дверью что-то звякнуло, словно таз жестяной уронили, послышались голоса. Товарищ Незабудка на цыпочках подошла к двери. Изогнувшись своим волшебным телом, прильнула к ней ушком и стала слушать, теребя папироску промеж пальцев. Слух у молодой женщины был прекрасен, и она отчётливо разобрала слова, что говорил за дверью шофёр Ибрагимка своим татарским говором:

– Хозяин, а хозяин, дай мне попользовать бабу, а? Тебе всё равно, а мне очень надо.

– У тебя ж есть баба – с насмешкой отвечал товарищ Пильтус, – свою и пользуй.

– Э-э, моя не такая, у моей бабы зад от пола низко, и брюхо как у верблюда, совсем не так её люблю, а эта о-о... чак-чак медовый, смотри на неё, и глаза сами плачут от любви.

– Бери! – милостиво даровал право на Ракель Самуиловну своему шофёру уполномоченный по закупкам. – Только не долго.

– Хозяин, – обрадовался Ибрагимка, – как долго, с такой бабой разве можно долго, с такой бабой всё будет один минут.

Товарищ Незабудка отпрянула от двери, и поняла, что предмет, который она носила всегда с собой, сегодня ей точно пригодится:

– Как говорил Пётр Ильич Чайковский своему концертмейстеру: Вот уж дудки! Шофёр в контракт не вписан! – холодно прошептала она и приготовилась отстаивать свои коммерческие интересы. – За Ибрагима придётся вам ещё раз раскошелиться, товарищ уполномоченный по закупкам.

Она снова прильнула к двери и услышала фразу, которая её сильно удивила: товарищ Пильтус вальяжно, по-барски повелел:

– Ты не забудь мне её побрить, после, как попользуешься. И как следует, а не как в прошлый раз.

– Уж не забуду, всё готово для бритья. – Обещал шофёр. – Будет гладкая как дыня.

– И смотри, чтоб не орала, у меня от их крика потом уши болят.

Глаза товарища Незабудки округлились: Это что, интересно, они собирались с неё сбривать? У неё и так, кроме как роскошных волос на голове, других волос не было. Какая ещё дыня нужна товарищу, уполномоченному по закупкам?

Она на цыпочках отбежала от двери, села на мерзкую и влажную простыню, стала дрожащими пальцами доставать новую папироску.

«Что за чертовщина тут происходит?» – думала Ракель Самуиловна, и место это начинало нравиться ей ещё меньше, – «Что это за товарищ Пильтус такой, и зачем я ему нужна бритая? Что за пятна на стенах, что за потёки, почему тут так мерзко воняет?»

И тут дверь распахнулась, и перед ней во всей мужской красе возник товарищ уполномоченный. Был он абсолютно наг, и на первый взгляд, выглядел шикарно. Он вошел и встал в четырех шагах от кровати, уперев руки в боки, демонстрируя свою мужскую статью и серьёзное, во всех смыслах, мужское достоинство. При других обстоятельствах, Ракель Самуиловна не преминула бы возможностью рассмотреть всё как следует, тем более, что она знала в этом толк. Но сейчас ей было не до того. Она глядела на него, вглядывалась и не могла понять, что в товарище уполномоченном не так.

В ушах что ли дело? Всё вроде прекрасно: и мускулистая широкая грудь, и живот – не брюхо, и ноги – столбы (заметьте, без варикозных расширений!) Но всё не то, всё не то! Что-то непонятное было в нём, другое... да и на груди, вдруг!.. какое-то серое пятно, и не синяк, и не парша от грязи. Что за пятно? Не сифилис ли какой?

Она всё смотрела и смотрела на товарища Пильтуса, пока тот не спросил с вызовом:

– Ну, что вылупилась, никак боишься меня?

Ракель Самуиловна выдержала паузу, стряхнула пепел с папироски и вдруг встала и холодно произнесла:

– Товарищ, меня сам Борис Савинков в губы целовал, отправляя на акты, и те акты, товарищ, уполномоченный по закупкам табака, были совсем не половые, так что Вы не волнуйтесь, я Вас не боюсь.

– Не боиш-ш-шься? – с каким-то страшным шипящим придыханием переспросил уполномоченный, и добавил многообещающе. – Я бы на твоём месте боялс-с-ся бы. Кстати, брительность лобка твоего мне импонирует. С-с-с-свеж-ж-жо, как говоритс-с-ся, актуально.

– Спасибо за комплимент, – сухо сказала красавица, – а вот мне ваше хамское поведение не по душе.

– Ничего, потерпиш-ш-шь, терпеть недолго осталос-с-с-сь.

Его лицо вдруг... как поплыло, что ли, поехало в стороны, растягиваясь, или нет, не поехало, но только полные губы его вдруг вытянулись в полоску и исчезли, совсем. А рот его стал огромным, от уха и до уха.

«Господи, – вспомнила Бога марксистка Ракель Самуиловна, – что со мной, неужто отравили меня, но чем? Но когда?»

А из огромного рта ответственного работника Мосгосторга потекла тонкой струйкой чёрно-маслянистая жидкость. Потекла, потекла да не вытекла, вернее, вытекла лишь на ладонь и вдруг утекла обратно ему в рот, точнее, в пасть.

Как не шокирована была товарищ Незабудка увиденным, как не ужасно было её состояние, всё же рассудок красавицу не покидал:

– Не вздумайте это глотать, – насмешливо сказала она, – да и к доктору Вам надо бы. На Вас лица нет. Кстати, неплохая у Вас кожа, я из точно такого ридикюль себе хочу купить.

– Ш-шутишь, ещ-щё, ш-шалава эс-с-серовс-с-ская! – Вдруг скатился на шипящую брань товарищ Пильтус. – Не буду я ж-ж-ждать Ибрагимку, перебьётс-с-ся он, начну тебя ш-ш-шкуру потрош-ш-ш-шить помаленьку.

При каждом его слове, снова и снова, из пасти вырывался чёрный, тонкий жгут, раздвоенный на конце, и тут же нырял в пасть обратно. Он поднял руку, но рука его была уже не рука, а лапа, с четырьмя пальцами и серая, как будни в таёжной Чите. А на каждом пальце, вместо розового ногтя, чернел коготь орлиный.

И тут Ракель Самуиловна поняла, тянуть дальше смысла нет. Она сделала шаг назад, и из чулка с задней поверхности бедра достала дамский шестизарядный «Браунинг», калибра шесть и тридцать пять миллиметров. Тихий щелчок оповестил всех присутствующих, что предохранитель снят.

– Ис-с-спугать меня реш-ш-шила, ш-ш-шваль, – зашипел уполномоченный, увидав пистолетик. – Вот этим вот? Умел бы с-с-смеяться – с-с-смеялссся бы.

– Товарищ, Вы много нюхали кокаина, как Айседора Дункан. Поглядите, до чего он вас довёл, – холодно отвечала красавица.

И действительно, товарищ Пильтус был уже абсолютно сер, и весь покрыт какими-то пупырышками. Вот только глаза его были желты... точнее нет, не желты, а великолепно золотого цвета, со зрачками как у кошки, то есть от неба к земле. Он смотрел на неё этими красивыми глазами и видимо думал, что делать, или ждал, когда появится Ибрагимка. В общем, нападать он не решался, даже когтистую лапу опустил. А вот искать решимости бывшей террористке Незабудке Ракель Самуиловне нужды не было – она всегда была решительной женщиной, и ждать Ибрагимку она не собиралась. Да и прекрасно-золотые глаза товарища Пильтуса её вовсе не пленяли. Она понимала, что просто так отсюда её не выпустят.

В комнате раздался не сильный хлопок, тонко стукнула гильза о гнилую половицу, и сизый пороховой дымок повис между ними. Они смотрели друг на друга: обнаженная и прекрасная Ракель Самуиловна – и уполномоченный с малюсенькой чёрной дырочкой в груди. Уполномоченный повернул и склонил на бок вытянутую голову, чтобы увидеть своим странным глазом дыру у себя в груди. Из дыры чёрно-зелёным изумрудом выкатилась капля. Выка-

тилась – и замерла, а он поглядел на каплю, и снова кинул изо рта-пасти чёрный жгут, слизал каплю и глянул на красавицу.

И был он, видимо, готов уже кинуться на неё. И кинулся бы, не выстрелила она ещё раз. И ещё раз, и ещё! Ещё три пули впились ему в грудь. Но он не упал, а только остановился. Замер от такой подлой неожиданности. Видимо было с ним такое в первый раз. А Ракель Самуиловна ждала, что он вот-вот упадёт, очень она на это надеялась, и доходила уже в отчаяние, что уполномоченный по закупкам табака так стоек, стоит себе и лижет дырки на груди своим чёрным языком.

Она поглядывала уже на дверь, но боялась повернуться к товарищу Пильтусу своей роскошной спиной. А тот, наконец, слизав все чёрно-зелёные капли со своей груди снова поднял на красавицу свои необыкновенно красивые глаза, собираясь шагнуть к ней.

И тогда, понимая, что шансов у неё не много, Ракель Самуиловна выпустила в него две последние пули. Одна попала ему в лицо – или уже в морду? – почти не произведя на него эффекта. А вот вторая попала ему прямо под кадык. И явно не пошла на пользу товарищу уполномоченному по закупкам табака. Он замер, хватая себя за горло когтистой лапой. Стал делать движения головой, словно хотел что-то сбросить, стал глотать что-то с усилием. Потом закружил по комнате, показав даме хвост, о котором она в ресторане и не подозревала.

Товарищ Пильтус был увлечён собой настолько, что Ракель Самуиловну вовсе не замечал. И она стала двигаться к двери, бочком, бочком, ни платья не надев, ни сумочки с большими деньгами не взяв. Она не думала, как ей быть дальше, и что делать с Ибрагимкой, ведь в пистолете у неё не было ни одного патрона. Она просто хотела уйти отсюда. И тут товарищ Пильтус замер, застыл, словно в спазме, вытянулся, глядя в стену с грязными потёками, а когтистыми лапами своими словно пытаясь выдрать себе горло. А потом упал на пол, подпрыгнул, пружиня, словно мяч резиновый, и замер. Только лапы с когтями скрючились напоследок, да чёрный жгут языка из пасти вывалился.

Ракель Самуиловна глядела на него и от души надеялась, что больше товарищ уполномоченный уже не будет заниматься закупкой табака никогда. И её, признаться, напугал татарский говорок, удивлённого шофёра:

– Э-э, ты чего? Убила его что ли? Зачем убила, а?

Она глянула в сторону двери. Там стоял Ибрагимка с тазом воды в руках. На левой руке у него висела верёвка, на мизинце одной руки у него были ножницы, а под мизинцем другой – бритва. Брить значит пришёл.

– Совсем убила что ли? – уже с возмущением спросил он. – До смерти? А? Зачем так, а? Сейчас я тебе, сюртук твой мама, ... Сейчас я горло тебе перережу, за товарища Пильтуса.

А женщина стала перед ним во все своей красе, ничуть не стесняясь своей наготы, наставляла на него пистолет без единого патрона и произнесла:

– Ну, попробуй! Как говорили испанские рыцари во время реконкисты, чем больше мавров, тем больше добычи. Иди ко мне, мой татарский храбрец! Ты уже решил, в какой мечети тебя отпевать?

– Э-эх, – сказал Ибрагим, с сожалением глядя в чёрный зрачок ствола, – такая красивая баба и такая злая. Нельзя быть такой злой, мужа не будет. Ну да ладно. Прощай.

Он исчез в двери, тут же послышался звук падающего на пол таза с водой и быстрые шаги. Но Ракель Самуиловна не поверила, что шофёр сбежал. Он, наверное, притаился где-нибудь в темноте, и ждёт её с бритвой в руке.

Она замерла и тоже стала ждать. И тут услышала, как на улице завёлся мотор «Паккарда», сладостно заурчал, и это красивое урчание стало растворяться в ночной тиши, и вскоре совсем растворилось. Ракель Самуиловна поняла, что теперь можно надеть платье. Она взглянула на уполномоченного по закупкам. Он лежал на полу, уже заметно потемнев. И товарищ Незабудка поняла, что этому клиенту её услуги уже не понадобятся.

Красавица, зачем-то не выпуская пустого «Браунинга» из рук, оделась, взяла сумочку, вышла в коридор, где обнаружила одежду товарища Пильтуса. Товарищ Незабудка была женщиной не только умной, красивой и решительной. Она была ещё и практичной, и обшарила вещи товарища Пильтуса на предмет чего-нибудь полезного. И нашла там пару золотых царской чеканки и большой флакон с дорогим кокаином. А больше – ничего.

– Ну что ж, – резонно прикинула она, – шесть патронов в минусе, пять золотых и кокаин в плюсе. И вечерок был нескучным.

Она уже хотела навсегда уйти из этого ужасного дома, но зайдя в комнату ещё раз поглазеть на товарища Пильтуса, красавица решила не оставлять всё как есть. Сбежать, конечно, можно было. Но уехавший шофёр мог что угодно сочинить и обвинить её во всех грехах. И найти её не компетентным органам труда бы не составило. Поэтому она решила дать делу ход. К тому же что-то ей подсказывало, что она здесь, в этом ужасе, не первая.

Товарищ Незабудка решительно вышла в ночь, спотыкаясь в темноте, она нашла первое попавшееся ей жилище и стучала громко и настойчиво в дверь рукояткой пистолета, пока кто-то не зашаркал за дверью, и не спросил грубо прокурренным басом:

– Чего, чего ломаешь? Вот выйду, дубьём тебя нахлобучу, уж отучу людям по ночам двери ломать.

– Товарищ, – зло и решительно заговорила красавица, – где у вас здесь телефон, мне нужно позвонить.

– Нет у меня тут телефонов, дура, – донеслось из-за двери. – Соскоблись с крыльца маво. Иначе выйду, мослы тебе поломаю, век помнить будешь.

Но теперь, после того что она увидела совсем недавно, какой-то грубиян и вовсе не мог напугать Ракель Самуиловну:

– Товарищ, – она продолжала долбить в дверь пистолетом, – немедленно говорите, где тут у вас телефон поблизости, или пожалеете. Мне нужно звонить в ОГПУ. Срочно.

Глава 2

Товарищ Арнольд Буханкин был англоманом. И никто бы не усомнился в этом, увидев его. Любой крестьянин из глухой уральской деревни мог сразу распознать в нём англомана, и только взглянув на товарища Буханкина говорил: «О, смотрите, англоман».

А выдавало англомана в Арнольде буквально всё. И бриджи из твида, и рыжие выдавшие виды башмаки до колен на шнуровке, украденные в Архангельске у американского офицера-интервента. И френч, и кепи, и битая трубка, которую он вечно ронял изо рта.

Особенную радость товарищу Буханкину доставляли случаи, когда наивные граждане города Москвы путали его с иностранцем. С каким-нибудь американским инженером или корреспондентом. И тогда Арнольд, распираемый совсем непролетарским чувством англоманского чванства, мог еще и ввернуть что-нибудь иностранное типа: «of course, comrade», даже не вынимая изо рта трубки. Для пущего эффекта. После чего, снисходительно хлопал по плечу опешившего собеседника, и величественно удалялся, иногда роняя трубку. К своим двадцати двум годам Арнольд прочёл всего Честертона, наизусть знал куски из Конандойля, имел лупу, и почти в совершенстве владел дедуктивным методом.

А его напарник Свирид Тыжных из села Пищалкино Тверской губернии был младше Арнольда на год, и дедуктивного метода не знал вовсе, зато всю поучаствовал в войне. Ушёл в Красную армию ещё в шестнадцать. И даже был ранен где-то на Украине, о чём рассказывать не любил. И в ОГПУ он пришёл не сам, как Арнольд, а по партийному распределению. Малограмотный товарищ Тыжных чувствовал себя некомфортно на фоне, интеллектуала Буханкина. Был он чуть ниже высокого Арнольда, и одет был не как англоман. Носил большую, не по размеру, тёртую кожанку стянутую ремнём, простое солдатское галифе, застиранную гимнастёрку и почти дырявые сапоги. Единственная вещь, которая у него была новой, это форменная армейская фуражка. Ему выдали её совсем недавно. Иногда он завидовал Арнольду по поводу его роскошных ботинок, они ему очень нравились, но товарищ Свирид с презрением гнал от себя это мелкобуржуазное чувство.

Товарищи уполномоченные приехали на рассвете. Честно говоря, их никогда бы не взяли на такое ответственное дело, но сегодня ночью именно они были дежурные КРО ОГПУ по городу Москве. И именно туда пришла странная телефонограмма об убитом ящере. Конечно, они были не одни, они заехали за очень опытным товарищем – настолько опытным, что молодые контрразведчики даже должности его не знали. И видели всего несколько раз. Всё, что им нужно было знать, так это то, что товарища зовут Ян Карлович Эгунд, и что в кузове грузовика Яна Карловича есть ещё четыре рядовых сотрудника.

Товарищ Эгунд, выходя из машины, огляделся и стал удручён увиденной неказистостью: частный сектор, гнилые дома, убогие заборы, нищета и нужники на улице. Оглядевшись, Ян Карлович с характерным акцентом распорядился:

– Товарищ, Буханкин, обойдите окрестные дома, приглядитесь, может, поговорите с кем-нибудь, кто что видел, кто что слышал сегодня ночью, или в другое время. А вон, кажется, и та женщина, что нам звонила. Тыжных, за мной! Товарищи, а вы по периметру дома оглядите всё!

Уставшая, несвежая, после такой-то ночи Ракель Самуиловна всё равно была прекрасна. Ян Карлович подошёл к ней, протянул ей руку и сказал:

– Меня зовут товарищ Эгунд.

Она пожала руку товарища Эгунда и сказала:

– Ракель Незабудка.

– Незабудка? – насторожился товарищ Эгунд. Он так случилось совсем недавно изучал кое-какие списки и вспомнил это имя.

– Незабудка, Незабудка, – серые его глаза чуть сузились, – так Вы, по-моему, из эсеров...

– Я член ВКПб с шестнадцатого года, у меня дома партбилет лежит! – сказала Ракель Самуиловна, – Хотя в партии эсеров я была.

– А когда и где видели Бориса Савинкова в последний раз?

– В ноябре тринадцатого года в Стокгольме, ещё до каторги и ссылки. Сейчас я член ГубСовета Читы.

– Угу, угу, – внимательно слушал её товарищ Ян Карлович. – А здесь как оказались?

– Познакомилась с товарищем Пильтусом в ресторане, он пригласил меня сюда.

– И приехали вы, значит, с ним сюда...

– Да. На квартиру к нему нельзя было.

– И товарищ Пильтус оказался... не товарищем Пильтусом.

– Да, именно.

– И тут вы его...

– И тут я его...

– И чем же вы его?

– Этим, – Ракель Самуиловна показала «Браунинг».

Ян Карлович понимающе поугукал, и продолжил:

– А как он вас сюда уговорил ехать, в такое-то место, чем заманил?

– Ну, во-первых, у него был автомобиль, а вокруг было темно, – Ракель Самуиловна помолчал, но решила не врать, ведь всё равно узнают, и сказала, – и потом он предложил мне три червонца.

Стоявший рядом и слушавший их разговор молодой товарищ Тыжных чуточку обалдел и молчаливо вознегодовал: «да как такое может быть! Товарищ член ВКПб с шестнадцатого года, член ГубСовета Читы и вдруг на квартиру, да в таком нэпманском виде, ночью, да ещё аж за три червонца». Он аж лицом потемнел, и даже фуражка задвигалась сама на голове. Он готов был уже даже и сказать кое-что, нарушающее субординацию, но сдержался. Хотя и с трудом.

А товарищ Эгунд несколько не обалдел и лицом не поменялся. Он спокойно сказал, кивнув на дверь:

– Ну что ж, пойдёмте, поглядим вашу ящерицу.

И они пошли в дом, хотя товарищу Незабудке вовсе не хотелось ещё заходить туда.

Ящер так и лежал в комнате. Света было мало, и Ян Карлович присел на корточках рядом с ним и стал рассматривать удивительную тварь. А Свирид Тыжных стал осматривать стены, кровать, и коридор, и другую комнату – гремел там тазами, ронял дрова, лез во все щели. Он был ответственным человеком, которому не было нужды давать указания.

– Значит, вы выстрелили шесть раз, – продолжил Эгунд.

– Никак он не хотел прощаться, – отвечала товарищ Незабудка. – Ему всё было мало.

– А где автомобиль, вы ж приехали сюда на авто.

– Его шофёр уехал на нём, когда понял, что с его руководителем покончено.

Тут пришёл товарищ Буханкин и доложил:

– Товарищ Эгунд, никто ничего не видел, и не слышал. Да и говорить никто не хочет, что не удивительно. Здесь, в Марьиной Роще, элемент проживает не пролетарский, а вовсе даже асоциальный.

Эгунд опять поугукал, раздумывая о чём-то, потом продолжил, поднимаясь с корточек:

– Товарищ Незабудка, а какой был автомобиль у товарища Пильтуса, что за шофёр у него был. Может, Вы знаете, кем работал вот этот вот товарищ, – он кивнул на ящера на гнилых досках. – Вы разбираетесь в автомобилях?

– У него был огромный, чёрный «Паккард» с откидным верхом, роскошное авто, – сказала красавица.

– Таких у нас не много, – произнёс Арнольд Буханкин. – Найти будет не сложно. It will be easy.

– А работал он уполномоченным по закупкам табака в МосГорТорге. У него водились деньги.

Про кокаин товарищ Ракель Самуиловна ничего говорить не стала. А и зачем?

– Проверим! – обещал Ян Карлович.

– А шофёром у него был татарин, он ему тут помогал. Он из бывших дворников, а этот, – она кивнула на ящера, – грозился его обратно в дворники отправить.

– А вот это будет не просто, – сказал оперуполномоченный англоман. – В Москве каждый третий дворник татарин.

– Его звали Ибрагим, – вспомнила красавица.

– Ну, тут каждый третий татарин – Ибрагим, – кичился своей осведомлённостью товарищ Буханкин.

– Товарищ Буханкин, идите, помогите товарищу Тыжных, – сказал Ян Карлович.

Когда молодой оперативник вышел, товарищ Эгунд подошёл к Ракель Самуиловне и сказал:

– А теперь расскажите мне всё как было, со всеми подробностями, даже с теми о которых дамы, как правило, умалчивают.

– Да рассказывать особо и нечего, и подробностей особых не было, – Начала вспоминать товарищ Незабудка.

– Тем не менее, всё как было, в мелочах.

В коридоре товарищ Буханкин увидел товарища Тыжных. Тот вертел перед носом омерзительного виду половую, заскорузлую от чёрной грязи тряпку.

– Ну и что ты там нашёл, пока меня не было? – спросил Арнольд Буханкин.

– Да вот, полюбуйся, – товарищ Тыжных кинул англоману тряпку.

Буханкин морщась поймал её, взял в два пальца, едва сдерживая в себе приступы брезгливости, достал лупу и стал разглядывать эту мерзость. Ничего любопытного не найдя, спросил у Свирида:

– И что в ней такого особенного?

– Особенного – ничего. Чего ж в ней особенного? Тряпка половая. Кровушку ею смывали со стен, да с пола. Не чуешь что ли, кровической воняет?

– Фу, *disgustingly*, вот ты дурень деревенский, зачем мне эту дрянь сунул, – Буханкин откинул тряпку, стал, как положено англоману, тщательно вытирать руки большим платком. – И что думаешь, много ей смыли?

А «дурень деревенский» смеялся, глядя на коллегу и говорил:

– Да почём же мне знать, сколько этой тряпкой крови отмыто, много ли мало ли. Вот ты у дамочки лучше спроси, её раздевали, или так жрать хотели, с одеждой вместе?

– А зачем тебе это? – поинтересовался Буханкин. – Может, ты любишь послушать про раздетых дамочек?

– Дурак ты, Буханкин. Чтобы просто уяснить, сколько тут уже баб пожрали. Ежели раздевали, то куда их тряпье девали, продавали или сжигали, или прятали?

– Сжигали, наверное, или продавали. Что и куда в этой халупе спрятать можно? Тут же пусто во всё доме – недоумевал Буханкин, который был в органах совсем недолго.

Свирид Тыжных тоже работал в КРО совсем недавно. Но был он деревенским, и в отличие от англomана, в совершенстве владевшего дедуктивным методом, знал, где обычно что-то прячут:

– Чердак да подпол, куда ж ещё прятать. Давай я чердак осмотрю, а ты подпол. Половицы плохо прибитые поищешь.

Но Арнольд Буханкин не согласен был с таким раскладом:

– А чего это ты чердак, а я подпол? Давай наоборот. *let's reverse*.

– Давай, – сразу согласился крестьянский сын, морщась от непонятных слов, и достал топор из-за сложенных дров у стены.

– А ты дамочку-то разглядел? – игриво улыбнулся Буханкин, прежде чем уйти. – Какова конфета!

– Никакая она не конфета, – буркнул Свирид Тыжных сердито. – Она член ВКПб с шестнадцатого года, а сама проститутка. Вот так вот, брат.

– Не может быть!? – Округлил глаза Буханкин. – Откуда знаешь?

– Откуда, откуда? Оттуда! Сама она сказала! Сказала, что ей ящер три червонца предложил! За них и поехала. А ещё она Савинкова знала, сам слышал.

Но эсер Савинков на товарища Буханкина не произвёл никакого впечатления. Его больше удивляла сумма:

– Три червонца? – отказывался верить он. – Да нет, ты не расслышал. Не может быть, чтобы три червонца.

– Не веришь, так сам спроси. Я то небось, не глухой.

– А вот так и спрошу! – храбрился оперуполномоченный Буханкин.

– Бреешь, не спросишь, – Тыжных даже остановился, ухмылялся. – Забоишься!

– Спрошу!

– Забоишься.

– С чего бы? Я при исполнении, могу любые вопросы задавать.

– Охота глянуть. Без меня не спрашивай, – продолжал ухмыляться товарищ Тыжных, садясь на пол и что-то там ища. – А пока иди чердак погляди.

– Не командуй.

– А я не командую, – заверил товарищ Тыжных.

– Ну, вот и не командуй – завершил разговор товарищ Буханкин и пошёл искать лестницу на чердак.

На чердаке молодой оперуполномоченный ничего интересного не нашёл, хлам старый, да и того не много. Он спустился вниз и там, в пустой комнате обнаружил своего коллегу, который топором отковыривал трухлявые доски от пола:

– Даже не прибиты, – объяснял Свирид, приподнимая доску, он уже откинул пару досок попытался заглянуть под пол.

– Ну, что ты там обнаружил, товарищ Тыжных? – Почти официальным тоном спросил Арнольд Буханкин.

– Да хрен его разберёшь. Ни хрена не видать, лампу бы, – но ждать от коллеги лампы он не стал, запустил руку подпол, и тут же вытащил оттуда что-то.

Что-то неприятное, даже мерзкое, страшное. Оперуполномоченный Буханкин, сначала даже не мог разобрать, что такое его коллега держит в руке. Товарищ Буханкин морщился, пытаясь понять, что это, но морщиться не помогало. Это была и не пакля, и не потерявшая всякую структуру тряпка, а что-то иное, мохнатое и грязное. И никакой дедуктивный метод не давал знатоку детективной литературы ни одной подсказки.

– Что это за дрянь? – не выдержал непонимания товарищ Буханкин.

А крестьянский сын Свирид Тыжных повертел добытое из-под пола у себя перед носом, потряс этим немного, а потом небрежно кинул это на пол и сказал:

– Патлы бабы.

Лёг на пол и снова запустил руку под пол. И достал ещё один клочок женских волос. И снова полез. И стал доставать и доставать оттуда предметы женского туалета. И кидал их в кучу. Тут было и нижнее белье, и рваные платья, и дешёвые ридикюли, и обувь и новые пучки волос. Куча росла, а Свирид всё шарил, всё доставал и доставал.

Арнольд Буханкин сел у кучи на корточки, и, преодолевая брезгливость, стал раскладывать добытое Свиридом по кучкам, пытаясь как-то систематизировать находки. Платья – к

платьям, туфли – к туфлям, бельё – к белью, а волосы... Волосы он раскладывал так, чтобы пучки и косы не перемешивались. Ну, он пытался, во всяком случае, так всё разложить.

Они не заметили, как в дверях появился человек. Был он одет макинтош, и в форме без знаков различия, и был он не молод. Пришедший негромко сказал:

– Здравствуйте, товарищи.

Буханкин и Тыжных узнали его сразу, вскочили, вытянулись. А появившийся подошёл к ним и каждому пожал руку.

– Ну, что тут у вас? – спросил он.

– Вот товарищ Артур, – немного волнуясь, показал на кучи Буханкин. – Обнаружили вот это.

– И что вы обо всём этом думаете? – Спрашивал товарищ Артур, внимательно разглядывая кучи.

Арнольд замялся и поэтому заговорил Свирид:

– Думаем, что тут этот... жабрей... баб тут душегубил. Вон сколько их тут набил. – Он обвёл рукой кучи. – Даже и сосчитать не можем их.

– Жабрей? Жабрей, что это значит, что за слово такое? – спросил товарищ Артур.

– Жабрей это... ну муж жабы, – пояснил товарищ Тыжных.

– Ах, вот как, понятно... Хорошее определение, верное, но вот в одном вы не правы, товарищ...

– Тыжных, – представился Свирид.

– ...товарищ Тыжных, – продолжал товарищ Артур. – У нас в СССР больше нет баб. У нас... – он замолчал, давая возможность продолжить молодому оперуполномоченному.

– Да, понял я, товарищ Артузов, у нас женщины.

– Верно, товарищ Тыжных, которых мы любим и ценим, они наши матери, боевые подруги и товарищи, и каждую из них мы должны беречь и уважать. Даже если они и оступились. Или встали на неправильный путь.

– Есть уважать и беречь женщин, – сказал Свирид.

– Товарищ, Артур, – заговорил Буханкин.

– Да.

– Нам бы МУР сюда позвать, не разберёмся мы тут без них, нет у нас методик, и мы с Тыжных не специалисты, я тут сижу и думаю, как всё здесь классифицировать, как подсчитать, сколько было жертв. Откуда они и кто.

– Товарищ... – Артузов замер, ожидая имени.

– Оперуполномоченный Буханкин. – представился Арнольд.

– Товарищ Буханкин, никого мы вызывать не будем. Это дело секретное и государственной важности. Будем разбираться сами по мере сил. Хорошо, что эта женщина нам позвонила, а не в МУР. Кстати как вам она показалась?

– Редкая красавица – сказал Арнольд Буханкин.

– Из эсеров она, и Савинкова знает. – пробурчал Тыжных. – Раньше была, сейчас, вроде, член ВКПб. Да и то проверить нужно, Не похожа она на нашу, больше на нэпманшу смахивает.

– Вот как... Ну что ж, пойду, взгляну на нэпманшу. Где она?

– В соседней комнате, с товарищем Эгундом – доложил Арнольд.

– Здравствуйте, я – Артузов, – поздоровался товарищ Артузов, входя в комнату, где были Ракель Самуиловна и товарищ Эгунд.

Он поздоровался за руку с Яном Карловичем, и сразу подошёл к дохлomu ящеру, осмотрел его внимательно и констатировал:

– Опять серый.

– Да, той же породы, что и Яшка Свердлов. – очень тихо, что б не слышала товарищ Незабудка, прошептал товарищ Эгунд.

– Значит, жабрей нарвался на Вас, – теперь товарищ Артузов говорил с Ракель Самуиловной. – А Вы оказались из эсеров, товарищ...

– Незабудка, Ракель Самуиловна. Я из эсеров, но давно уже член ВКПб.

– Незабудка!? – обрадовался товарищ Артузов. – Так вы легендарная товарищ Катя! За вами Жандармерия числила три акта. Вас Савинков всем в пример ставил.

Слова и тон товарища Артузова безусловно польстили красавице. Но говорить, что за ней числилось не три, а пять актов, она не стала. Скромно промолчала, только вздохнула. Товарищ Незабудка устала, как в молодости, когда её допрашивали по восемь часов к ряду.

– Значит, этот жабрей завёз Вас сюда, как и многих других женщин, чтобы здесь, в глуши, спокойненько убить – продолжал товарищ Артузов задумчиво. – Да не на ту, как говорится, напал. Не знал жабрей, что в гости к нему едет известная в прошлом, террористка, товарищ Катя.

Ракель Самуиловна снова скромно молчала.

– Жабрей? – удивился новому словцу товарищ Эгунд. И кивнул на дохлого ящера. – Это его имя?

– Пора бы вам знать, дорогой Ян Карлович, – улыбался товарищ Артузов, – жабрей – это муж жабы, а не имя. Ну, мне так ваши молодые сотрудники объяснили только что.

– Ах, эти... Ну что ж, ребята колоритные, и суждения у них свежие.

– Надёжные?

– Молодые, но убеждённые коммунисты.

– Хорошо! – товарищ Артур Артузов чуть помолчал и заговорил:

– Товарищ Незабудка, Вы в большой опасности, ящеры не прощают убийства своих сородичей. Они убили, одного за другим, всех рабочих в Орле, всех, кто принимал участие в убийстве ящера Яшки Свердлова. Думаю, что в Ваших интересах покинуть Москву.

– Яков Свердлов был ящером, как и этот? – Ракель Самуиловна не верила своим ушам.

– Да, был ящером, или жабреем, как тонко подметил товарищ Тыжных. И страшным людоедом к тому же. Страшным! Да они все такие, впрочем. Вам нужно уезжать, и подальше.

– Ну что ж, нужно – так уеду – устало произнесла Ракель Самуиловна.

Товарищ Артузов, чуть помолчал и спросил:

– Вы коммунист, товарищ Катя?

– Член ВКПб с шестнадцатого года, билет у меня дома – ответила товарищ Незабудка.

– Ну что ж, тогда буду говорить с вами не как с прекрасной женщиной, а как с товарищем по партии.

– Говорите, товарищ Артузов – сказала Ракель Самуиловна твёрдо.

– Вам угрожает страшная опасность, двух мнений тут быть не может. Но нам нужно выяснить, из какой семьи был этот ящер... жабрей, как называют его наши молодые сотрудник. Поэтому я прошу Вас задержаться, буквально на два-три дня, чтобы опознать автомобиль или шофёра, которого Вы видели ночью. Как только нам станет ясно, из какой он семьи, мы отправим Вас из Москвы под охраной. Понимаете?

– Найдите мне патроны для моего «Браунинга», в Чите их было не сыскать – твёрдо сказала Ракель Самуиловна.

– Мы дадим вам патроны, товарищ Катя, а лучше дадим Вам охрану, найдём автомобиль «паккард», или шофёра. А потом Вы уедете отсюда. – сказал красавице товарищ Артур и посмотрел на товарища Эгунда.

– Ян Карлович, нужно найти товарищу хорошую охрану. Кого посоветуете?

– Посвящать новых сотрудников в это дело полагаю излишним. Думаю, что товарищи Буханкин и Тыжных подойдут для такой работы. – ответил товарищ Эгунд.

– Они не слишком молоды? – усомнился товарищ Артур. – Да и с проблемой ящеров они не знакомы. Они же вроде монархистами занимались?

– Ну, теперь уже и с ящерами знакомы. Уже видели жабрея, как Вы изволили выразиться. А насчёт опыта... думаю – справятся! Буханкин вдумчивый и с развитой системой анализа, хорошо ведёт допрос, видит врага, а Тыжных отличный боец, стреляет с любой руки, винтовка, пулемёт, шашка – всё знакомо. Служил в Перовой конной, в разведке, наблюдательный и по-крестьянски хитрый, водит автомобиль. И оба политически грамотны.

– Ну, что ж, – произнёс товарищ Артур. – Раз так, то пусть будут они. И в правду, нет смысла посвящать в дело новых людей. Берёте таких рыцарей в охрану, товарищ Катя?

– Беру, но про патроны не забудьте – сказала товарищ Незабудка.

– Не забудем, – обещал товарищ Эгунд. – И ещё я дам Вам мой автомобиль, он старый, но очень надёжный. У Вас будет личное авто, товарищ Незабудка, с личной охраной и шофёром. Как у комиссара СовНарКома.

– Спасибо, товарищи, – первый раз за всё последнее время красавица улыбнулась. И тут же стала серьёзной. – А вы будете выяснять, сколько женщин убил этот... жабрей?

– Нет, – твёрдо ответил товарищ Артур. – Понимаете, товарищ Катя, наша задача сделать так, чтобы ящеры знали как можно меньше о том, что мы хотим знать о них как можно больше. Сейчас у нас только две задачи: спасти Вас, и выяснить, к какой семье принадлежал этот ящер. И всё. Поэтому мы сейчас уйдём из этого дома, а наши сотрудники его сожгут. Чтоб никаких следов от пребывания ящера в нём никто другой не нашёл. Никто не должен о нём знать.

– А сколько их, ну... семей этих ящеров, кто они? – спросила Ракель Самуиловна.

– Мы Вам ничего сказать не можем, – отвечал Ян Карлович, – мы и так Вам много сказали, учитывая Ваши заслуги, и надеюсь на Вашу сознательность и готовность сотрудничать.

– Что ж, и на том спасибо, – отвечала Ракель Самуиловна.

– Товарищи! – крикнул в коридор Эгунд. – Идите сюда.

Буханкин и Тыжных тут же явились. Замерли в ожидании.

– Ставлю задачу: с головы этой прекрасной женщины не должен упасть ни один волос. Вы поступаете в охранение, пока не найдём автомобиль, на котором её сюда привезли, или шофёра этого автомобиля. – сказал товарищ Эгунд.

– Возьмёте мой автомобиль. Найдёте тихое место, о котором доложите лично мне, и будете спокойно ждать приглашения на просмотр. Как она что-то опознает, вы проводите товарища Катю до места её проживания. Задача ясна?

– Предельно ясна! – отвечал ему товарищ Буханкин.

– Есть беречь товарища Катю! – сказал Тыжных.

Товарищ Аргузов посмотрел на их серьёзные лица и напутствовал:

– Идите, и будьте внимательны, товарищи!

Глава 3

Памятник Александру II (да и другим старорежимным угнетателям) в Кремле был давно снесен. Везде царил суега обустройства, новые власти приспособливали собственность царей-эксплуататоров для нужд новой пролетарской власти.

Столовая, что в Грановитой палате, уже работала с половины седьмого утра. Товарищ Сталин, просидевший всю ночь за работой, ходил туда выпить чаю и съесть что-нибудь. Он готовился к важному заседанию. В городские партийные структуры он готов был представить ряд кандидатур, проверенных партийцев. Он надеялся, что партийный пленум, а затем и Гор-Совет одобрит его кандидатуры.

Он шёл по третьему этажу Большого Кремлёвского дворца в полном одиночестве вдоль бесконечных огромных окон, ещё раз обдумывая доводы для прений, если прения конечно случатся. Встав, он раскурил трубку и почти продолжил движение, когда услышал за спиной быстрые шаги. Сталин был удивлён. Рано ещё для советских и партийных работников. Ночь и раннее утро было его время – время, когда можно работать в тишине и спокойствии. Товарищ Сталин обернулся и увидел суетливого человека с котомкой. Он догнал Сталина и ещё издали стал кланяться и прижимать руку к сердцу.

В этих стенах, такое поведение было неестественным. Иосиф Виссарионович, попыхивая трубкой, вцепился взглядом в приближающегося человека. И когда тот приблизился, спросил с характерным акцентом:

– Вы ка мне, товарищ?

– Как я рад, как я рад, товарищ Сталин, что нашёл, наконец, Вас – запыхавшись, говорил молодой человек.

– Чем магу помочь?

– Моя фамилия Хрущёв, мы с Вами воевали на одном фронте.

– На каком? – не мог вспомнить Иосиф Виссарионович.

– На Царицынском, я там комиссаром был. В семьдесят четвёртом полку. Не помните меня? Я-то Вас прекрасно помню, вы уж как скажите на совещании, так... Что аж кровь...

– Чем я Вам могу помочь? – жёстко прервал его Сталин.

– Товарищ Сталин, я по поводу должности, сейчас я на Украине живу, партсекретарь техникума в Юзовке. А хотелось бы большой работы, размаха, и чтобы здесь была, в Москве. Я тут в Москве себя так прекрасно ощущаю, прям горы готов сворачивать. Дайте мне горы посворачивать! Я согласен на самую мелкую должность, и Вы не пожалеете, товарищ Сталин.

Человек был суетливый и казался Сталину не серьёзным:

– Дворником – пойдёте? Фронтом работ и масштабом мы Вас обеспечим. Горы для Вас найдём, товарищ Хрущёв. Москве нужен Ваш размах. Хорошие дворники нам нужны.

– Дворником? – Хрущёв осёкся. – Как – дворником?! Я ж партработник! Я ж с вами на Царицынских фронтах.... Я...

– Партработник? – Сталин смотрел с прищуром. – А чем же Вам, товарищ Хрущёв, Ваше место не нравится?

– Товарищ Сталин, это ж Украина, – Хрущёв всем своим видом пытался показать всю безнадёжность ситуации. – Где ж там размах, там же украинцы живут!

– И что в них не так?

– Да всё не так, мелкобуржуазный народ. Харьков, Донецк, Николаев или Херсон, ничего не скажу, народ сознательный, рабочий, а дальше дело швах. Молодёжь из сёл приезжает в техникум, а мысли только про пайку, да про: «а жупан когда выдадут?». Никакая мировая революция людям не нужна – селяне. А взрослые так и вовсе учиться не хотят, говорят: «А

зачем мне учиться, я газет не читаю, там брехня одна. Мне что нужно – то поп расскажет». И так все поголовно. Ничего не хотят кроме сала, да горилки. И ни о чём не мечтают.

– Совсем ни о чём? Такого быть не может. – Не верил ГенСек ЦК РКПб.

– Нет, ну конечно мечтают, о вишнёвом садике, возле хатынки, о поросе, да чтобы пан был добрый, чтобы есть давал вволю, в общем, никакой пролетарской сознательности. Тёмный народ. Одно слово – селяне.

– Извините, товарищ Хрущёв, но другого народа у партии для вас пока нет, работайте с этим – холодно сказал Иосиф Виссарионович. – Каждый день работайте, кропотливо работайте с людьми в целом, и с каждым отдельно взятым человеком. И я уверен, скоро Вы увидите их благодарность. А значит – и благодарность партии.

Товарищ Сталин говорил эти правильные слова, но сам в них верил не до конца. И не потому, что не верил в украинский народ, а потому, что не верил украинским коммунистам. Он знал, что значительная их часть – люди в партии временные, приспособленцы. Он вспоминал доклад руководителя украинских чекистов, товарища Манцева, который передал ему товарищ Дзержинский. Манцев писал, что украинцы идут служить в органы, надеясь на хорошие пайки, и сразу уходят оттуда, как выясняют, что в органах «дают мало». А когда таких товарищей пытаются устыдить по партийной линии, так и вовсе пишут заявления на выход из партии.

Сталин давно готовил для Украины серьёзного товарища, который мог попытаться взять в руки партийную организацию Украины и навести там порядок. И Сталин такого человека, кажется, нашёл.

Лазарь Коганович был твёрдым коммунистом, и пусть звёзд с неба не хватал, но ленинцем он был верным. А ещё он был еврей. Именно еврея нужно было отправить на Украину. Местные националисты, прятавшиеся за партбилетами, никогда не примут еврея руководителем. И конечно, кинутся на него, чтобы рвать. Рвать его будут всеми возможными способами, и все средства для них будут хороши: и вредительство, и организованный голод, и даже попытки восстания. А может быть, и прямыми покушениями рвать попробуют. И у товарища Когановича на Украине помимо видимых задач, будет ещё пара неочевидных. Во-первых, тянуть время и не позволять местным раскачивать ситуацию. Во-вторых, выявить всю заразу, которая окопалась в компартии республики, чтобы потом очиститься от неё. И для этого, может быть, ему и понадобится этот стоящий перед ним и жалующийся на украинских «селян» человек.

Иосиф Виссарионович выпустил дым и сказал:

– Значит, быть хотите полезным для партии?

– Товарищ Сталин! – нараспев заговорил Хрущёв, – Сплю и вижу, как мне только стать для партии ещё значительно более полезным. Дайте дело, хоть какое, позвольте проявить себя. – Тут он вдруг понизил голос до заговорщицкого шёпота. – Если нужно... Если у Вас есть какой враг, я ему... я ему... – он сжал кулаки и аж покраснел как от натуги и ненависти. – Вы только моргните, я его убью, только скажите кого. Убью как собаку. Клянусь! Говорите, кого убить.

Иосиф Виссарионович был человек хладнокровный, но видя такое, даже он удивился, да что уж там, даже растерялся. Чуть трубку не уронил, стоял, глядел на Хрущёва и думал:

«Дебил или провокатор. Если дебил, то почему не в стационаре? А если провокатор, то чей? Троцкого? Нет, тот визгливый истерик, партийный барин, любитель шёлковых подштанников, золотых безделушек, столового серебра и французской жратвы. Энергичный, но не умный, вор чужих идей и чужих заслуг. Ленин одной фразой всё о нём сказал «Беспринципный карьерист, попутчик. Не видящий ничего дальше собственного „я“». Он до такого не додумается. Вся семья Троцкого – банда энергичных, жадных людоедов. Зиновьев! Да, этот может, этот на два хода вперёд думает, а уж Каменев, так и вовсе не подумав, и слова не скажет. Но им незачем, их семьи слабы, они Троцкого боятся, хотя все они одного вида. И я их естественный союзник против него. Может, хотят сильнее привязать меня к себе. Хотя, вряд

ли. Тогда может кто из СовНарКома, там ящер на ящере, ещё Яшка Свердлов их туда натаскал, себе семью собирал, да негодились они ему, упырю, в расход его пустили рабочие».

Но чем дольше товарищ Сталин смотрел на багровое от напряжения лицо молодого Хрущёва, и на его тупые, лягушачьи глаза, тем больше убеждался, что зря он ищет подвохов – перед ним классический дебил. Тем не менее, даже с ним нужно было быть осторожным. И Сталин заговорил:

– Товарищ Хрущёв, у меня нет иных врагов, кроме врагов партии. А главные враги партии на Украине – невежество и разруха, да ещё господа, которые проникли в партию, и ищут в ней для себя преференций. Езжайте к себе, и работайте. Скоро на Украине будут большие перемены. Ваша задача – быть в гуще событий, наблюдать и выявлять тех, кто в партии случайно. Занимает не своё место.

– Как кукушата, – понимающе кивнул Хрущёв.

– Что? – не понял член ЦК, всё ещё надеясь, что этот человек на каком-то этапе может быть полезен партии.

– Ну как кукушата в гнезде, когда трескают в два горла, и подсиживают честных партийцев. Я их таких знаю, я их всех на карандаш возьму, Вы не сомневайтесь, товарищ Сталин! Как приеду, так сразу начну работу! Мы этих кукушат, что идут в разрез партии, сразу выявим. Сразу. Только уж и Вы меня не забудьте, товарищ Сталин.

– Я вас отметил, товарищ Хрущёв. Буду ждать ваших отчётов – сказал самый пронзительный человек на планете, совершая самую большую человеческую ошибку.

– Уж я их... Товарищ Сталин... Уж я их... – Хрущёв опять сжимал кулаки. – Они у меня...

– Идите работайте, товарищ Хрущёв.

Хрущёв поклонялся-поклонялся и пошёл на выход, аж подпрыгивал на ходу от нетерпения начать работу и от радости, что удалось втереться в доверие к такому высокопоставленному партийцу.

А по коридору уже пошли на работу люди, и здоровались с товарищем Сталиным.

А Сталин смотрел в окно и о чём-то размышлял, пока не заметил стоящего рядом человека.

– Товарищ Андреев, – Иосиф Виссарионович протянул молодому красавцу руку, – Вы ко мне?

Мужчина (а был это Андреев Андрей Андреевич) крепко пожал протянутую руку и согласился, поглаживая роскошные усы:

– К Вам, Иосиф Виссарионович.

– Мне сейчас уже пора ехать в московский Горком, Ваше дело не подождёт? – Спрашивал Сталин с надеждой.

– Не подождёт, Иосиф Виссарионович, – отвечал товарищ Андреев, – я бы и рад Вас хоть раз по пустякам побеспокоить, да повода пустячного не предоставляется. Но я только пару минут займу.

– Ну что ж, – сказал Сталин, ожидая неприятностей, – не тяните, выкладывайте свои плохие новости.

– Вы правы, новости плохие – Андреев вздохнул. – Сегодня ночью убит один из ящеров. Из какой семьи, пока не известно. Труп у нас, звонил наш товарищ из КРО. Дзержинский уже в курсе.

Сталин помрачнел, молчал, а Андреев продолжал:

– Товарищи установили, что приехал он на «Паккарде». Собираются выяснить, чей это «Паккард». Тогда и будет ясно из чьей он семьи.

Сталин подумал и спросил:

– Ящер был серый?

– Да, но мы надеемся, что он не из семьи Троцкого.

– Да, будем на это надеяться, – задумчиво сказал Иосиф Виссарионович, – иначе эта истеричная особь опять устроит красный террор, не хуже людоеда Яшки Свердлова. А как же так получилось, кто его убил?

– Вы не поверите, Иосиф Виссарионович, его проститутка убила.

– Проститутка? Ящера? – и в правду не верил Сталин.

– Да, она оказалась из эсеров, крепкая бабёнка, бывшая террористка. Он привёз её на дыру, жрать собрался. А она, не будь проста, изрешетила его из дамского «Браунинга».

– Из дамского «Браунинга» и насмерть? – не поверил Иосиф Виссарионович. – Я видел, как золотому ящеру винтовочная пуля голову разнесла, а он выжил, потом ещё мне угрожал. А она его точно – из «Браунинга»?

– Труп доставили на место. Сейчас врач вскрыет и установит, как он сдох. Но дырок в нём достаточно. А шофёр его успел убежать, не смогла она его убить.

– Молодец девушка, очень не вовремя, но всё равно молодец. Вот какие хорошие кадры готовили эсеры. Жаль, очень жаль, что Борис встал на путь контрреволюции, очень бы он нам помог сейчас.

Сталин задумался, а Андреев не прерывал молчание, он стоял рядом и смотрел в окно. Наконец Иосиф Виссарионович сказал:

– Надо попытаться спасти девушку, за ней уже послали палачей.

– Наш товарищ из КРО сказал, что ей выделили охрану, и постараются вывезти её из города как можно быстрее. А Вас сегодня ночью будут ждать на малый совет, там же где и всегда. В двенадцать.

– Я буду. Эх, как не вовремя, как не вовремя всё это случилось. – Сталин помолчал и продолжил. – Надеюсь, девушке предоставили хорошую охрану, опытных людей?

– Думаю, что опытных.

– Очень хотелось бы, чтобы она осталась жива.

– Очень хотелось бы, – согласился товарищ Андреев, сильно сомневаясь, что это вообще возможно.

Он давно занимался ящерами и знал о них больше, чем Сталин. Он подумал о том, что вместе с женщиной, скорее всего, убьют и охрану. Ящеры никогда не прощали убийства своих. Даже если убитая ящерица была из враждебной им семьи – всё равно не прощали.

– Очень хотелось бы... – тихо повторил товарищ Андреев.

Глава 4

Тыжных уверенно сел за руль, а Буханкин открыл перед Ракель Самуиловной заднюю дверь авто:

– Please be seated, Madam.

– Thanks, – коротко отвечала красавица, залезая в авто.

Свирид глянул на них через плечо с неодобрением. Не нравились ему эти буржуйские разговорчики, и поэтому он спросил простым рабоче-крестьянским языком:

– Ну, чё, так и будете тама чирикать, аль скажете, куды ехать?

– Живу я на Садовой-Спасской, в доме Аплаксиной. Но сначала мне нужно в Милютинский переулочок. – Сказала товарищ Незабудка. – Там в «Булочной месье Роже», утром подают отличные булки и настоящий кофе.

– Чего?! – вскричал от удивления Свирид Тыжных. – Булки?! Кофе?! Вы гражданочка совсем того... Не понимаете! Вам заныкаться надобно, а вы – булки...

– Мне необходим кофе – настояла Ракель Самуиловна. – Больше нигде в Москве не делают такого кофе так рано утром.

– Of course, Madam, – сказал Товарищ Арнольд, закрывая дверь и садясь на переднее сиденье. – Поехали, чего заснул-то, дама желает пить кофе.

– Дама! Кофе! – буркнул Свирид в лобовое стекло. – Буржуи.

И старенький «Форд» поехал, благоухая бензином.

Было лето. На улицах царило свежее, ещё не задушенное жарой утро. Москва уже просыпалась – из коммунальных муравейников высыпали деловитые москвичи, покупали свежую прессу, толкались в трамваях. Извозчики подхватывали ответственных работников из тех, что могли себе позволить лихача.

Ракель Самуиловна, глядя в окно с заднего дивана «Форда», была грустна. Она не хотела уезжать из Москвы и если честно, не понимала, зачем это нужно. Ни страха, ни раскаяния красавица не чувствовала – только досаду на глупую ящерицу, которая хотела ею поужинать и получила по заслугам. И ещё она чувствовала усталость. Откуда взялась эта ночная уродина, со своим мерзким шофёром, товарищ Незабудка не думала. Но была уверена, что принесла пользу, ликвидировав её как последнюю контру. Может быть, это спасёт пару женских жизней.

Потом товарищ Незабудка, взялась рассмотреть своих телохранителей. Они были забавны: один выделялся своим пижонским видом, любовью к иностранным словечкам и юношеским выпендрёжем, а второй своей инквизиторской серьёзностью, желанием всех судить и кучами веснушек на щеках. Красавица улыбнулась, и случилось это как раз когда товарищ Буханкин повернулся к ней:

– У вас красивая улыбка, товарищ Катя, – чуть прищурившись, сказал Арнольд тоном опытного обольстителя. – It's beautiful!

Ещё бы немного – и он подмигнул бы.

Это выглядело так, будто мальчик-гимназист пытается флиртовать с выдавшей виды дамой. И было это трогательно, но и смешно одновременно. Красавица засмеялась.

Арнольд сразу нахмурился, скис и отвернулся, Ракель Самуиловна почувствовала, что была чуть бестактна и сама продолжила общение:

– Товарищи, а Ваш руководитель обещал мне патроны для моего оружия. А то я совсем безоружна.

Товарищ Арнольд сказал невесело, что патроны будут, но нужно заехать в управление на Лубянку.

А товарищ Свирид, не бросая руля и не отводя взгляда от дороги, залез во внутренний карман своей кожанки, достал оттуда новенький «наган» и протянул его назад. Но когда Ракель

Самуиловна готова была уже взять оружие, он не отдал, а спрятал обратно. Сменив руку на руле, он залез в левый карман галифе и достал ещё один «наган» уже не такой новый, потёртый. И, держа в руке, пояснил:

– У этого ствол раздолбанный, но на десяти шагах бьёт как надо, большего вам не надо.

Зато спуск у него мягкий, как раз для ваших пальцев.

Он передал револьвер Арнольду, а тот уже передал его товарищу Незабудке с вопросом:

– Знакомы с такой системой?

– Не волнуйтесь... – сказала Ракель Самуиловна и добавила ласково, – ...мальчики. Знакома.

– Perfectly – сказал Арнольд.

– Мальчики! – Фыркнул Свирид дерзко, не поворачивая головы. – Вон вроде ваша булочная, она?

– Да, она, приехали, остановите тут. – Сказала Ракель Самуиловна, пряча револьвер в сумочку.

Товарищ Буханкин вышел из авто и открыл ей дверь, подал руку, как положено, а Свирид заглушил мотор. Он поудобней развалился в кресле и приготовился ждать, но Ракель Самуиловна сказала:

– А вы, товарищ, не идёте с нами?

– Я по нэпманским заведениям не хожу – с гордостью отвечал Тыжных. – Из принципиальных соображений.

Он врал. Вернее, не то чтобы врал, но «принципиальные соображения» были не единственной причиной отказа ходить в нэпманские заведения. Ещё одной причиной было, что довольствие сотрудников ОГПУ не позволяло им туда ходить. Да и вообще, ходить хоть куда-нибудь. Это было тяжёлое время – даже для сотрудников спецслужб. Поэтому в те времена там служили исключительно идейные люди.

– Там вкусные булки и кофе со сливками – уговаривала его красавица.

– Со сливками! – презрительно передразнил Свирид. – Я могу и без сливок обойтись. Эка невидаль, сливки. Простой перловой каши с луком и на постном масле в любой столовке «ТрудПита» съесть, и чай покушать с оладьями.

Говорил он всё это грубо, пренебрежительно. Но Ракель Самуиловна не ушла, а всё ещё заглядывала в окно автомобиля:

– А может быть, Вы боитесь? – с насмешкой спросила она.

– Чего? – ерепенился Свирид и ухмылялся. – Кого боюсь, Вас что ли? Или может, нэпманов ваших?

– Не нэпманов и не меня, – холодно говорила красавица, – Вы боитесь тех, кто может на меня напасть. Думаете, если что случится, в машине отсидитесь. Ну, говорите, Вы боитесь? Не стесняйтесь, в этом нет ничего зазорного.

Товарищ оперуполномоченный КРО Свирид Тыжных подобного оскорбления отродясь не слышал. Везде и всюду (вероятно по молодости и глупости) он всегда шёл первым и считался отъявленным храбрецом – даже в своём разведэскадроне, где трусов быть не могло по определению. И после всего, что было и где был, пережить подобное ему было нелегко. Он покраснел всем лицом, засопел как бык и с ненавистью посмотрел на товарища Незабудку.

– It's impossible, Madame. – попытался смягчить ситуацию Арнольд Буханкин. – Мой коллега, Свирид Тыжных, самый смелый человек, кого я знаю.

– Да, неужели? – не поверила красавица. – Будь он таким, он охранял бы меня, ведь Вы вроде как мои телохранители. А он вместо моего тела собирается охранять это дряблое авто. Ну что ж, так тому и быть! Пойдёмте, товарищ Арнольд, не будем мешать, товарищу Свириду выполнять его обязанности.

Она взяла Буханкина под руку и повела его в булочную. А Тыжных уже не мог усидеть в автомобиле. Он вылетел из него пулей, зло хлопнул дверью, и пошёл вслед за ними, разминая шею и плечи, словно перед дракой.

Глава 5

В тихом Московском месте, на улице Мясницкой, где редко бывают суетливые горожане, кроме тех, кто живёт в этих местах, есть дом-усадьба Барышникова. Но усадьбой то было раньше. Не жил там более какой-то буржуй – он сбежал, прихватив столовое серебро и фамильные портреты. И теперь размещалось в том доме обычная советская организация, с простым советским названием, которое мог прочесть любой прошедший курсы «Лик. Беза». На вывеске на охраняемых воротах значилось: «Бюро Уч. и Контр. при ГЭУ ВСНХ РСФСР».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.